

Содержание

Введение	6
Глава 1. Битвы во сне и наяву.....	7
Глава 2. Тайфуны с ласковыми именами	13
Глава 3. Башни.....	23
Глава 4. Трансформации.....	26
Глава 5. Продолжение трансформаций	31
Глава 6. Такая разная любовь	35
Глава 7. И снова о такой разной любви	41
Глава 8. Сочетание четырех систем	46
Глава 9. Человек, как хозяин своего сознания	52
Глава 10. Другие типы сознания.....	58
Дуальные типы сознания.....	60
Глава 11. Дуальная трансформация.....	65
Типы сознания.....	68
Глава 12. И зачем козе баян?	69
Глава 14. Я бы лучше съела апельсин	76
Глава 15. Лабиринт Минотавра.....	81
Глава 16. Обычные, скажем так, лабиринты.....	86
Глава 17. Лабиринт, как он есть	90
Глава 18. Я всё могу, могу и это!.....	95
Глава 19. Формула лабиринта.....	98
Глава 20. Теория деревьев в лесу.....	101
Часть 1.....	101
Глава 21. Теория деревьев в лесу.....	107
Часть 2.....	107
Глава 22. Теория деревьев в лесу.....	113
Часть 3.....	113
Глава 23. Коллизии на Древе.....	119

Глава 24. Смыслы.....	124
Глава 25. Матрица, как она есть.....	129
Глава 26. Сегментация Трека.....	137
Глава 27. Руна Fehu.....	141
Глава 28. Руна Uruz.....	146
Глава 29. Руна Thurisaz, Руна Ansuz, Руна Raidho.....	150
Глава 30. Руна Kenaz, Руна Gebo, Руна Wunjo.....	157
Глава 31. Руна Hagalaz, Руна Nauthiz, Руна Isa, Руна Jera	161
Глава 32. Руна Eihwaz, Руна Perthro, Руна Algiz, Руна Sowilo.....	169
Глава 33. Руна Tiwaz, Руна Berkano	173
Глава 34. Руна Ehwaz, Руна Mannaz, Руна Laguz, Руна Ingwaz.....	180
Глава 35. Руна Othala, Руна Dagaz, Руна Fehu	186
Глава 36. Жизнь – это Путь, Путь – это препятствия	190
Глава 37. Такие разные треки	194
Глава 38. Превратности Матрицы.....	200
Глава 39. Совмещение треков по принципу цикличности	209
Глава 40. «Первая скрипка» и партнерство участников	214
Глава 41. Ну как же без этого.....	216
Часть 1.....	216
Глава 42. Ну как же без этого.....	224
Часть 2.....	224
Блок 1	225
Блок 2	226
Блок 3	226
Глава 43. Ну как же без этого.....	228
Часть 3.....	228

Глава 44. Ну как же без этого.....	232
Часть 4.....	232
Руна Gebo.....	232
Руна Wunjo	236
Руна Hagalaz	238
Глава 45. Ну как же без этого.....	242
Часть 5.....	242
Руна Algiz	242
Руна Sowilo	243
Глава 46. Ну как же без этого.....	245
Часть 6.....	245
Руна Othala	245
Глава 47. Ну как же без этого.....	250
Часть 7.....	250

Введение

Со времени выхода первых трёх томов данной книги я получил немало писем, в которых люди писали о том, что зачастую все методики, практики, и просто приёмы, описанные в первых томах книги, что называется, – «рассыпаются в прах», когда «в дело идет» любовно-сексуальная тема. Как говорится, – «и даже у Богов нет прививки от любви». Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи над вакциной для данного недуга работает, но результатов нет, и в ближайшее время не предвидится. Поэтому придется как-то «выкручиваться» самим, что мы и постараемся сделать на базе данного тома книги «Руническое сознание». В рамках вышеуказанной работы я буду приводить новеллы из подборки «Записки из сумасшедшего мира», которые хорошо иллюстрируют исследуемую тему. Итак, мы начинаем.

Глава 1

Битвы во сне и наяву

Сыграйте мне нежные скрипки,
Светает, написан постскриптум,
И залита брешь сургучом,
Пора, грянет выстрел и, вскрикнув,
Я в снег упаду на плечо.

Александр Розенбаум. «По снегу»

Битва была яростной. Я дрался как лев (можно и так сказать), но противник был сильнее. Он мечом наносил мне удар за ударом, круша мою защиту, и время от времени наносил мне очередную рану, отчего сильная боль раз за разом пронзала всё моё тело. Израненный, я сопротивлялся всё меньше и меньше, в какой-то момент меч противника пронзил меня насквозь, и я рухнул землю. До боя выпал снег и вначале поле битвы было бело, как чистый лист бумаги. Битва окрасила снег кровью, – как будто невидимый художник набросал на белый холст маски ярко-красной краски. И вот теперь я черным пятном впечатан в снег, щедро залитым кровью. Больно, очень больно... А потом... А потом...

– Два – два, – воскликнул Пётр, снимая шлем, – я сравнял счет.

Сегодня я слышал его слова, подобно тому, как ранее слышал шум ветра, плеск волн, – откуда-то вне своего непосредственного бытия, как будто из фильма, который я вижу. Понадобилось время, чтобы я вернулся в свое обычное бытие. Я медленно снял игровой шлем, расстегнул костюм для виртуальной реальности, и вздохнул полной грудью. Пётр уже достал пиво из холодильника и, открыв одну бутылку, подошел к окну, взирая на

строительство дома, возводимого рядом с моим домом в неприличной к нему близости.

– Завтра сдаём проект, – заметил он, – вот уж будет битва, так битва. Знаешь, иногда я думаю, – кому проще: вон этим ребятам, которые на высоте, на ветру и под дождем возводят дом, живя при этом своей простой жизнью, нуждаясь при этом, или нам, таким почти гениальным, высокооплачиваемым, и ни в чём не нуждающимся, но при этом не более счастливым, чем они.

– Такие мысли у тебя возникают в момент пика напряжения, – заметил я, – когда ты спокойно работаешь над IT проектом в своем творческом тумане, то этого не наблюдается. И высказанное в тот момент по какой-то другой теме ты воспримешь, как бред шизофреника.

– Что есть, то есть, – вздохнул Пётр, уже принявшийся за вторую бутылку пива (которая, впрочем, была как бы моей), – да, нервничаю. Надо успокоиться, расслабиться, чтобы завтра быть «как огурчик».

– Только не налегай сильно на пиво, – заметил я, полностью освободившись от игрового костюма, – а, то придешь завтра с головной болью, без сил, и в дурном настроении. Ну, а я – спать, надо хорошо выспаться.

* * *

На следующий день я забрал взлохмаченного Петра, который всё же переборщил с пивом, и, сидя на заднем сидении моего автомобиля, мрачно взирал на Питерские улицы, декорированные промозглой Питерской погодой.

– Артём звонил, – изрек Пётр, – его байк сломался, надо его забрать по пути.

– Раньше не мог сказать, – как можно спокойнее сказал я, – сейчас придется сделать приличный крюк. Шутить на тему: кого надо забрать, а кого оставить, – Артёма или его байк, – я не стал, учитывая состояние Петра.

– А... – взмахнул рукой Пётр, – показывая, что он, мягко говоря, – «не в форме».

Прилично «покрутив» мы подъехали к месту, где нас ждал Артём. Артём сидел корточках. Его байк стоял неподалеку. Я посигналил, но Артём не обратил на это внимания, так и продолжая сидеть на корточках, уставившись на асфальт. Я вышел из автомобиля и подошёл к Артёму. Артём сидел над белым умирающим голубем, который, по всей видимости, получил смертельное ранение.

– Он умирает, мучается, – произнес Артём, – сильная энергия страдания тела, – гаввах, что вырабатывается живыми организмами при мучениях. Его нельзя спасти, но я хочу облегчить его страдания, ускорив его смерть энергетическим путём.

– И так ты это делаешь? – спросил я.

– Да я и сам толком не знаю, – сказал Артём, – надо освободить что-то из оков его физического тела. Это что-то тонкоматериальное уйдет, и гаввах не будет вырабатываться.

– Хм, – сказал я, – но ведь физическое тело, скажем так, ещё будет жить, страдая не менее, чем секунду назад?

– Да, – сказал Артём, – но это будет лишь физическая оболочка, состояние которой, даже самое ужасное, не будет причиной выработки гавваха. Мы, как материалисты, считаем, что всё сосредоточено в физическом теле, а боль через рецепторы передается в мозг, отчего существо испытывает страдание. У дерева нет мозга, но дерево, как оболочка для некоего духа, также испытывает страдание от грубого воздействия на него. Это зафиксировано приборами.

– Ты хочешь сказать, что страдание, являющееся причиной выработки гавваха, испытывает нечто духовное, которое находится в физической оболочке, подвергаемой страданию? – спросил я, – при этом физическое, или, лучше сказать, биологическое существо, предположительно (допустим это) лишенное духовной составляющей, будет испытывать лишь боль, подобной той, которой испытывает спортсмен, идущий на рекорд.

– Да, – ответил Артём, – ты хорошо сказал: спортсмен, идущий на рекорд. Есть только рекорд и ничего более.

– Граждане, – крикнул Пётр через открытое окно автомобиля, – может мы все-таки поедem, как бы пора...

По дороге мы долго молчали, но потом я всё же решил задать вопрос:

– Ты хочешь сказать, что спортсмен, который действует на грани возможностей, не испытывает боль, так как в этот момент нечто духовное покидает его физическое тело? – спросил я Артёма, сидевшего рядом со мной.

– Однозначно, – воскликнул Пётр, – покидает, и не заставляет несчастную оболочку нажираться пивом, а потом встать поутру с похмелья.

– Интересный вопрос, – произнес Артём, – возможно тут надо говорить об эффекте берсерка, когда в физическую оболочку входит нечто духовное, как яростный дух, сугубо безразличное у этой физической оболочке, и даже смерть этой оболочки малозначима по сравнению с поставленной задачей. А нечто духовное, как изначальное для этой оболочке, осознанно, или неосознанно выходит на время из оболочке, предоставляя оболочку (физическое тело) яростному духу. Тут нельзя говорить о конкретности и истинности термина «яростный дух», но главное не в терминологии, а в сути процесса.

– Так это тоже самое, – воскликнул Пётр, – что и процесс замены артиста дублером.

– А ведь хорошо сказал! – заметил Артём.

На этом наша беседа была закончена, так мы уже подъехали к зданию нашего офиса.

Защита проекта началась достаточно буднично, я бы даже сказал – лениво, и не предвещала каких-либо сложностей. Пётр уже очухался, а спокойный и даже доброжелательный характер процесса защиты проекта послужил для его ободряющим фактором, и вот уже наш Петя начал, что называется, «блистать во всей красе». Артём был менее ярок, но стабилен в своем выступе-

плении, и держался, как приятно говорить, – «на высоте». Но как только пришел мой черед презентовать мою часть проекта ... появился Иван Викторович, который, кстати, в данном мероприятии не должен был участвовать, и ... понеслось...

Тут уж, что называется, – хук слева, хук справа, а взявший было слово Пётр сразу получил апперкот, и окончательно замолчал. Артёма также сразу «успокоили», а потом уже вновь вернулись ко мне в предвкушении окончательного разгрома проекта. Ассоциация с тем мной, поверженным на белом снегу в виртуальной компьютерной реальности из разряда предположения уже стала переходить в разряд факта.

Я, лежащий на кровавом снегу там, и я, очень скоро будучи поверженным здесь... Так я где? Там? Или здесь? Или мне может уже следовало «перемещаться» в пивной бар за углом (а что, там моих понурых ребят и подожду...)? Так сказать, незримой тенью, духом... Буду «плавать» там в пивных испарениях ... и хоть не буду присутствовать на апофеозе нашего, вернее моего позора. Ибо, ребята то по факту свои части защиты проекта отработали на ура ... понятно, что я не виноват в появлении Ивана Викторовича, но ... но, как говорить, – это детали и лирика, а вот провалились то мы на моей части защиты – и это факт, и факт в области физики.

Жуть депрессии, даже какой-то мерзкий ужас, и нестерпимое желание сбегать в туалет, ввели меня в какие-то оцепенение, в котором я опять вспомнил себя, лежащим в поверженном виде на кровавом снегу. Здесь – сейчас, на снегу – ранее, а в пивном баре – то, что будет после... От этих раздвоений, вернее уже – разтроений, я в какой-то момент оказался вне всех этих троих, отчего потребность бежать в туалет почему-то исчезла, ужас превратился в ехидный сарказм, а депрессия сменилась странным спокойствием. И это уже был не тот я, который... Это был я, который смотрел на меня, находящегося тут, и на того я, который лежал на снегу, и на того будущего я, который уже «наметился» в пивном баре, нет, не с осуждением, нет, не с сарказмом, нет, не с желанием наказать, а спокойно, и как-то по-хозяйски, и даже как бы любя. Он смотрел на нас так, как я смотрю на свой автомобиль.

Иван Викторович, кончив громить меня, и в моём лице весь наш проект, перешёл, так сказать, от критики к описанию того, как надо, к описанию того, как должен выглядеть данный проект. Началась, можно сказать, презентация его собственного проекта. Я же совершенно спокойно слушал его и делал пометки по каждому пункту его, скажем так, детища. И когда автор в лице Ивана Викторовича закончил свою пламенную речь, я, почти деликатно кашлянув, начал говорить. Пройдя по каждому пункту проекта (не больше, не меньше) Ивана Викторовича, я не оставил и камня на камне от, казалось бы, его очень грамотного детища. И, естественно, на развалинах часовни, пардон, на развалинах его проекта я начал возводить наш проект, демонстрируя очевидные преимущества нашего проекта над проектом Ивана Викторовича.

На любую попытку Ивана Викторовича вставить свои «три копейки» я так сильно повышал голос, что за моими неожиданно проявившимися вокальными данными его трепетавшийся голоска просто не было слышно. Возведя наш проект, и во всей его красе, я немедленно перешел к восхвалению тех, кто, так сказать, был «нашим всем», нашим стимулом и высшим идеалом в процессе создания проекта, тех, кто не участвовал в проекте, но был... Конечно, среди них, вернее в первых рядах, были и члены уважаемой комиссии.

На горе Ивана Викторовича, в тот момент, когда я говорил о председателе комиссии, Иван Викторович, озаренный какой-то идеей, вскочил и уже открыл было рот, но один из членов комиссии, строго посмотрев на него, недвусмысленно указал ему пальцем на дверь.

* * *

Отмечали, вернее не отмечали, а просто «обмыли» успешную сдачу проекта мы в уже упомянутом пивном баре. Впрочем, я, будучи «за рулем», не пил пива, а просто сидел, сидел, хотя и усталый, но довольный... но, и какой-то слегка испуганный. И в этом момент я увидел себя, сидящим за соседним столиком. Этот я, увидел меня, меня обычного, улыбнулся мне... Потом он, но в тоже время – я, поднялся и вышел из бара...

Глава 2

Тайфуны с ласковыми именами

Под утро земля засыпает
И снегом себя засыпает,
Чтоб стало кому-то теплей,
Лишь я, от тоски убегая,
Молю, чтоб меня занесло.

Александр Розенбаум. «По снегу»

Первый день моего внепланового пятидневного отпуска (что называется, – «сумел урвать»), ибо действительно мне надо отдохнуть и выспаться), опять же, что называется, – не заладился. Телефон звонил и звонил... Ну да, уже восемь утра, что не звонить то... И так на пару часов опоздали... Абонент был необычайно настойчив. Впрочем, я, не открывая глаз, уже сделал предположение о том, что это звонит моя сводная сестра Светлана. Что и было на самом деле...

– Пожар, наводнение, дефолт, прилетели инопланетяне? – поинтересовался я, – отвечая на звонок.

– Он меня бросил... – раздался в ответ хриплый голос Светланы, переходящий в неистовое рыдание.

Вопрос «кто он?» был, естественно, некорректен, так как по разумению Светланы я должен был знать всю историю её личной жизни, и, опять же, что называется, – под протокол. Единственный выход был в том, чтобы бесконечно выражать ей сочувствие, и в процессе нехитрого диалога, прерываемого рыданиями, выяснить какие-то подробности про этого «его» и детали, которые, впрочем, повторялись с завидным постоянством в этой вечной, чистой и пламенной, но постоянно повторяющейся любви.

Светлана могла показаться девушкой, или, правильное сказать, уже дамой, легкомысленной, но на самом деле к «делу своей жизни» она относилась очень серьезно, делая ставку на «мужчину своей мечты». При этом две подруги Светланы были также вовлечены в этот процесс, естественно, у каждой процесс был свой, и надо сказать, что подход к «делу своей жизни» у каждой из этой троицы был совершенно индивидуальный.

Виктория, в отличие от Светланы посвятила (можно сказать и так) свою жизнь только одному мужчине и ждала его, как говорится, еще со школьной скамьи. Шли годы, но... Впрочем, сколько ещё таких Викторий ходит по белу свету...

Я ходил по белу свету,
Знался с умными людьми.
Счастье есть – и счастья нету,
Есть любовь – и нет любви!

Уж я к ней и так и этак,
Со словами и без слов.
Обломал немало веток,
Наломал немало дров!

Страдания Николая Караченцова из к/ф «Белые росы»

Ну, как-то так, только от женского лица... Впрочем какая разница. Вариантов здесь масса, начиная от взаимной пылкой и пламенной, но с неизменной судьбой-злодейкой, которая пела голосом Аркадия Укупника:

Я на тебе
Никогда не женюсь.
Я лучше съем
Перед загсом
Свой паспорт.
Я улечу, убегу

Испарюсь
Но на тебе
Ни за что не женюсь.

Аркадий Укупник. «Я на тебе никогда...»

Мария, третья «фаза» напряжения в этой трехфазной цепи, сочетала неизменность Виктории (но при этом не признавая уже отчасти параноидальной верности Вики) с постоянной переменчивостью Светланы. Мария любила «мужчину своей мечты», вечной любовью Виктории, но как только «мечта» начинала «мигать и коптить», то тут же заводила очередной роман, который, естественно, заканчивался, когда «мечта» вновь «загоралась ярким огнем» ... ну, а потом снова по кругу... Впрочем, Мария могла и не влюбиться в «мужчину своей мечты», а держать за «постоянную пристань» какого-нибудь терпилу, к которому неизменно возвращалась бы, когда её очередной бурный (в этой версии) роман терпел бы фиаско. Как бы варианты противоположные, с разной сутью, но ... но это была лишь очевидная суть, а вот суть глубинная тут была в том, что какой вариант будет иметь место быть, зависит исключительно от положения тумблера: «романтизм» или «цинизм». У Марии тумблер был в положении «романтизм», поэтому у нее был не вечный терпила, а светоч в виде «мужчины её мечты».

Выслушав хриплое бормотание Светланы, трудно понятное через децибелы её рыданий, я кое-как понял, что от меня требовалось забрать её из дома и отвести её в «штаб трех фаз», находящийся в одном из кафе. При этом мне не хотелось бы выступить в данной ситуации клеммой «заземления», через которую эти «фазы» могут «разрядиться», причем одновременно.

* * *

Когда я привёз Светлану в «штаб», две другие «фазы» уже были «на боевом посту» и, усадив Светлану за столик, принялись за рьяное обсуждение диспозиции, и за выработку стратегии и тактики боевых действий.

Я же, будучи существом мало образованным в данном вопросе, а, также будучи по словам Виктории «чёрствой и примитивной сволочью» уселся возле окна и заказал себе кофе. Пасмурная питерская погода, наблюдаемая мной через окно кафе, располагала к дремоте, да и, вообще, я не выспался... В какой-то момент, я, потягивающий кофе и пребывающий в дремоте, увидел себя, сидящего за столиком напротив меня. И, уже, только собравшись поговорить с самим собой о погоде, я только было открыл свой внутренний рот, как, я, сидящий напротив меня, указал мне пальцем на Светлану.

Заинтересовавшись, я, при внимательном рассмотрении, увидел, как от неё, что-то активно обсуждающей с её подругами, отделилось нечто. Это нечто было ярко проявлено, и было выражено не только, как оно само – нечто, но и как область (сфера) существования этого нечто. Описать, конечно, всё это достаточно трудно, но я постараюсь. Нечто представляло собой выраженное эмоциональное образование, в своем стабильном виде видимое стороннему поверхностному наблюдателю, как апофеоз такого явления, как «good vibes» (волны позитива). Глубинная же суть выраженных эмоций (упакованных в «good vibes»; и при этом надо отдавать себе отчет, что «good vibes» – это лишь упаковка), – это проявление любви идеалистической, неконкретной, яркой в своем наивном понимании сути вещей, и эгоистичной в своей детскости. Эта любовь является всепоглощающей, наркотической, и со своей энергетикой, уносящей в вихре необыкновенного платонического наслаждения куда-то там... Впрочем, неважно куда, главное...

Сексуальная игра и взрыв оргазма в данном случае – это процесс «приземления космического корабля на планету любви» с последующим чувством радости достижения цели путешествия. Но, ни сексуальная игра, ни оргазм, не являются тут апофеозом, а являются лишь определенным приложением к... Поэтому, и сексуальная игра, и оргазм, должны соответствовать строжайшим индивидуальным критериям (не важно каким в своей конкретности, но очень строгим и требующим неукосни-

тельного исполнения). И если ... то, это уже ... а это уже – это уже трагедия.

Да и вообще, в полном выражении всего ЭТОГО, это очень хрупко, незащищено, нестабильно, ну, и как известно – недолговечно. И уже далее, сюда, что называется, – как на работу, причем уже нелюбимую. Глубинной сути уже нет, а далее уже и «good vibes» исчезает как призрачный туман... Далее – упреки, слезы, потом скандалы... И потом всё...

Сам же объект любви нечто был показан в области существования нечто, как что-то типа пристани, к которой и причаливает нечто, бросает якорь и начинает «качать любовную нефть». Ну, а когда нефть заканчивается... Это как бы такая жизненная фактурность, ибо жизнь то... А в романтике проявления можно увидеть, как порхающее восторженное нечто садится на благоухающий цветок и пьёт «нектар любви». Ну, а когда нектар выпит...

Казалось бы, что надо «взлететь» («отдать якорь») и направиться в новый пункт назначения, но... Но мы ж... Но мы ж идеологически (морально, этически, нравственно, и до хрена как ещё) правильные и поэтому... И поэтому:

И каналы тянут руки серые ко мне,
И в ладонях их уже не тает белый снег,
И в ладонях их уже не тает белый снег.

Александр Розенбаум. «По снегу»

Идет период завивания горя веревочкой:

Хочешь, эту песню не слушай,
Хлопнув дверью, легче не станет,
Только не беречь мою душу,
Только не тревожь мои раны.

Александр Розенбаум. «По снегу»

Ну, а далее... Опять же:

Снова с неба падают звезды,
Снова загадать не успею,
Жить мне вроде бы и не поздно,
Да вот просто так не сумею.
Александр Розенбаум. «По снегу»

– Страдать уже можно заканчивать? Мы соблюдали моральные и этические нормы?

– Да!

И вот уже:

Ах, какая женщина, какая женщина.
Мне б такую,
Ах, какая женщина, какая женщина.
Мне б такую.
Фристайл. «Ах, какая женщина»

Ну, или в другой гендерной категории:

О, Боже, какой мужчина, я хочу от тебя сына
И я хочу от тебя дочку, и точка, и точка!
Натали. «О, Боже, какой мужчина!»

Ну, а потом, всё как обычно... По кругу...

Я внутри себя развел руками, и... Но я, сидящий напротив себя, покачал пальцем, показывая, что тут ещё не всё ... и снова показал пальцем на Светлану, снова начавшую плакать и обиженную на весь мир. А что тут... Хм... А ведь действительно, это восторженное нечто любви НИКОГО НЕ любит, а любит СЕБЯ в этой ЛЮБВИ. Но я, сидящий напротив себя, снова покачал пальцем. А... Это нечто и себя тоже НЕ любит, с махистской склонностью мучая в первую очередь себя! Это нечто любит САМ процесс ЛЮБВИ. Это нечто «бросает себя под танки» ради этого процесса, ну, а объекты любви, всего лишь меха-